

8 февраля 1973 г.

К 100-летию со дня рождения Ф. И. Шаляпина

«ФА» БОЛЬШОЙ ОКТАВЫ

13 февраля исполняется 100 лет со дня рождения Федора Ивановича Шаляпина — великого русского певца и артиста. Этот юбилей будет широко отмечаться в нашей стране. На многих сценах, где он выступал, пройдут торжественные спектакли. В Ленинграде, в Театре оперы и балета имени С. М. Кирова, в этот день пойдет «Борис Годунов» — одно из тех произведений, где особенно ярко проявился талант певца, оказавшего большое влияние на развитие мирового вокального искусства.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей три не публиковавшихся ранее отрывка из воспоминаний тех, кто встречался с артистом: режиссера Н. Львова, заслуженного артиста РСФСР Н. Кручинина; заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора Московской консерватории пианистки М. Неменовой-Лунц.

Эти воспоминания хранятся в рукописном мемуарном фонде Центральной научной библиотеки Всероссийского театрального общества в Москве и содержат интереснейшие страницы из истории нашего театра.

Материалы для публикации подготовил директор Центральной научной библиотеки ВТО В. П. Нечаев.

УРОК ЧТЕНИЯ

В СТУДИИ, вспоминает в своих записках режиссер Н. Львов, шел урок художественного чтения или, как он назывался тогда, урок декламации.

Урок проходил на нашей маленькой сцене. Зрительный зал находился в темноте и, как обычно, был полон студийцами. На сцене Ирина Шаляпина читала «Тройку» Гоголя.

Вдруг в последних рядах зала послышалось какое-то движение. Ирина остановилась. «Что же Вы, продолжайте», — сказал педагог. Но Ирина не продолжала.

— Оглянитесь, Николай Николаевич!

Званцев оглянулся, за ним оглянулись студийцы. Оказывается, в зале, скромно усевшись в последнем ряду, находились Ф. И. Шаляпин и А. М. Горький.

Мы все повскакали с мест, окружили наших дорогих гостей, которые даже несколько смутились от наших шумных приветствий.

— Да вы продолжайте, работайте, — сказал Федор Иванович. — Мы тут были рядом и решили забежать, посмотреть, чем вы занимаетесь. Мы вам не помешаем. Продолжайте.

И урок продолжался. Ирина прочла «Тройку». После нее М. Ф. Астангов читал монолог Сальери. Он всегда тяготел к трагедии и особенно в годы своего ученичества.

Федор Иванович внимательно слушал всех выступающих, хвалил многих из них. И тут мы осмелели. Подбываемые Ириной Федоровной, которая знала, что Федор Иванович сам любит читать стихи и исполняет их превосходно, мы начали просить Федора Ивановича прочесть нам что-нибудь.

Нас неожиданно поддержал Горький: «В самом деле, Федя, прочти им что-нибудь. Ты хорошо читаешь».

Как он читал!

Тут было все: и глубочайшее проникновение в самое сердце произведения, и огромная эмоциональная насыщенность, и тончайшая передача всех душевных нюансов, и чеканная дикция, и великолепное ощущение мелодии стиха и его ритма. Мы сидели, как очарованные, боясь не только пошевелиться, но даже вздохнуть. Мы не спускали глаз с Федора Ивановича, стараясь постичь, понять «секрет» исполнения.

Когда Федор Иванович кончил, мы еще несколько мгновений сидели неподвижно, потом сразу разразились бурными аплодисментами. А на наши вопросы о «секретах» его исполнения он сказал нам примерно следующее:

— Вот вы говорите—я хорошо читаю. А ведь декламация меня никто не учил, но я люблю слово, каждую букву в слове... А это самое главное—любить слово. Ведь слова, они все разные. Есть слова легкие — пыль, дым, а есть тяжелые — глыба, громада. А вот вы, когда читаете, об этом не думаете. Разве не так? Для вас, что это слово, что другое, примерно одно и то же. Не цените вы слово, не любите его. И еще одно условие, без которого нельзя выступать перед зрителями. Надо видеть все то, о чем вы говорите, о чем вы рассказываете. Без этого читать нельзя. Если чтец ясно представляет себе все то, о чем он читает, увидит все это и слу-

шатель. Не только услышит слова, поймет их, но увидит все то, что видит чтец.

Мне еще дважды довелось услышать Шаляпина как чтеца. Один раз он читал «Моцарта и Сальери», другой раз монолог Скупого рыцаря из одноименного произведения Пушкина. Мастер перевоплощения, он не старался играть роль Скупого рыцаря. Он оставался чтецом, рассказчиком, и все же какими-то неуловимыми штрихами Шаляпин великолепно раскрывал перед нами образ хищного, жестокого, одержимого страстью к золоту отвратительного скупца.

О чтении Федора Ивановича можно было бы написать еще очень и очень много, так как эта грань его дарования еще мало изучена. Но нам, слышавшим его исполнение и ту беседу, останутся навсегда памятны его замечательные слова о самом главном: о любви к слову, без которой немислимо творчество чтеца.

ПОД АККОМПАНИМЕНТ ГИТАРЫ

АКТЕР Н. Кручинин оставил запись своих воспоминаний о первой встрече с Шаляпиным.

Встретиться с ним мне довелось, пишет он, в доме одного нашего общего знакомого, московского юриста. Федор Иванович приехал после оперы «Севильский цирюльник» из Большого театра.

Когда меня попросили взять гитару и вспомнить что-нибудь цыганское, я, учитывая присутствие Шаляпина, выбрал лучшие образцы народных песен цыган. Федор Иванович внимательно прослушал все мной напетое и сказал: «Вот слушаю и живо представляю себе, при каких условиях песня созидалась и пелась. Это совсем другое и не похоже на то, что у нас принято называть цыганскими песнями».

В середине вечера Федор Иванович решил сам спеть под гитару. Исполняя романс, он широко пользовался речевой интонацией. Были такие места, когда Федор Иванович движением руки показывал, что гитара ему не чужна.

Все присутствующие, полные впечатлений, как-то притихли. Шаляпин, видимо, был в хорошем творческом состоянии.

— Ну а теперь спую «Ноченьку».

Песню эту Федор Иванович пел, сидя за столом, а один из московских пианистов аккомпанировал ему из другой комнаты. Перед тем, как запеть, Федор Иванович с ним переговаривался, подбирая тональность. Запомнились его слова, обращенные к пианисту: «Возьмем пониже, что-то устал я после «Севильского». Во время пения эта тональность оказалась несколько низковата, но Шаляпин, идеально владея звуком, легко обходился все неудобные для него места.

Федор Иванович говорил басы, а как певец он ниже «соль» не брал. Мне рассказывали, когда любители пения заводили речь о том, что у басов красиво звучит «фа» большой октавы, то Шаляпин с присущим ему остроумием обычно говорил, что он до такой «низости» никогда не опускался.

ИНТЕРВЬЮ

ОДНОВРЕМЕННО с постановкой «Моцарта и Сальери» в Большом театре драму Пушкина ставил и МХАТ со Станиславским в роли Сальери. Трактовки были совершенно разные, и, встретясь с Федором Ивановичем, пианистка М. С. Неменова-Лунц первым делом решила узнать его мнение о двух постановках и о том, как он подходит к этой роли. Запись ее бесед с артистом представляет собой своеобразное интервью, которое раскрывает взгляды Шаляпина на искусство.

«На мой вопрос: «Идете ли вы в создании образа от существующего, освященного, так сказать, традицией?» — Федор Иванович сказал:

— Традиция — вещь довольно опасная, ее не следует считать академической окаменелостью, традиция может иногда и «мохом обрасти». Надо найти в ней только то, что живет и будет жить.

— Как же Вы подходите к роли Сальери?

— Трудно связно ответить на такой вопрос. Фундамент, конечно, сама опера и ее музыка. Много думаю, учусь у тех, кто значительно умней меня, спрашиваю, собираю отдельные черточки. Но с ролью Сальери получилось как-то необычно: надел парик и камзол Сальери и вдруг сразу почувствовал себя Сальери, точно влез в его кожу.

Может быть, здесь Федор Иванович слегка лукавил: известно, как тщательно он готовился к своим ролям, например к роли Грозного, как советовался с историком Ключевским, со всеми выдающимися русскими художниками, жившими в свое время у С. И. Мамонтова в его усадьбе Абрамцево.

На мой вопрос, как он может мириться со своим сценическим окружением, почему не старается поднять его до своего всегда глубокого замысла, до уровня своих требований, Федор Иванович, улыбаясь, сказал:

— Вы, конечно, не раз слышали, какие дикие скандалы устраивает Шаляпин дирижерам, режиссерам, партнерам, костюмерам и даже бутафорам. Все это сильно преувеличено, но иногда мне бывает действительно трудно сдерживаться. Хотел бы показать, как я все себе представляю, но часто это плохо контактирует. Вот, например, случай с тенором Дамасовым, певшим Самозванца в опере Мусоргского. Я вышел за кулисы посмотреть, какой на нем костюм, а он оделся «Энвером-пашой». Ну, конечно, я сказал ему несколько слов, а на другой день как газеты меня разделили!

Почему у меня никогда не было ни одного столкновения с дирижерами Рахманиновым, Направником? У большинства дирижеров нет чувства ритма, у них один взмах или короче или длиннее другого. Эта ритмическая неустойчивость мешает мне, выбивает из образа, над которым я так долго работал. Все думают, что Шаляпин все творит стихийно, в силу своего таланта — «пришел, увидел, победил». Между тем, как много сил отдал я образу!

Они, дирижеры, этого не понимают. Все, что я делаю на сцене, я могу объяснить. И в какие угодно драматические моменты у меня не перестает жить самоконтроль, если можно это так назвать, и я вижу, замечаю и реагирую на каждую мелочь.

То же самое — с режиссерами и всеми их новшествами на сцене. Могут ли я быть против обновления в этом смысле? У меня есть и свои твердо продуманные планы и режиссерские намерения, которые меня самого волнуют. Но мне чужды и мешают на сцене режиссерские фокусы, в которых тонут глубокие музыкальные и драматические моменты».